

На правах рукописи

Шарова Луиза Николаевна

Образ-символ "корабль" в татарской поэзии XX века

10.01.02. - Литература народов Российской Федерации
(татарская литература)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань - 2007

Диссертация выполнена на кафедре татарской литературы
Государственного образовательного учреждения высшего
профессионального образования "Казанский государственный
университет им. В.И.Ульянова-Ленина"

Научный руководитель – Ганиева Резеда Кадыровна,
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Хисамов Нурмухаммет Шагвалеевич

кандидат филологических наук
Мусабекова Раиса Рашидовна

Ведущая организация – Елабужский государственный
педагогический университет

Защита состоится " 29 " ноября 2007 г. в 16.00. часов на заседании
диссертационного совета Д 212.081.12 при Казанском государственном
университете им. В.И.Ульянова-Ленина по адресу: 420008, г.Казань, ул.
Кремлевская, д.18, корп.2, ауд. 1112

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Ло-
бачевского Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-
Ленина.

Автореферат разослан " 30 " октября 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

Загидуллина Д.Ф.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. В современном мире, философско-эстетической мысли и литературоведении необычайно возрос интерес к таким категориям как "образ", "символ", "знак", о чем свидетельствует появление бесчисленного количества словарей, энциклопедий знаков и символов, издаваемых для удовлетворения читательского спроса.

Символический язык – язык универсальный. Символы чрезвычайно важны для понимания путей развития человеческой мысли, искусства, обычаев, религии и мифологии. Как справедливо заметил В.Шмаков, "язык символов есть истинный всемирный, всечеловеческий язык, одинаково справедливый для всех времен и народов"¹.

Каждая литература имеет собственную систему образов, символов, отражающих национальное своеобразие, специфику данной культуры и являющихся "родными", знаковыми для ее представителей. "Культура выражает себя через мир символических форм, которые передаются от человека к человеку, от поколения к поколению. Через символы нашему сознанию открывается святая святых культуры – смыслы, живущие в бессознательных глубинах души и связывающие людей в едином по типу переживания мира и самих себя"² – таково мнение современных культурологов. Например, в контексте татарской литературы (да и не только в ней) утвердилось восприятие луны – как символа одиночества, весны – как молодости, непорочности, возрождения, цветов – как красоты, любви. В суфийской поэзии образы цветка, соловья и возлюбленных выступают как

---

¹ Шмаков В. Предисловие / В.Шмаков // Полная энциклопедия символов / Сост. В.М.Рошаль. - М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Сова, 2003. - С. 9.

² Культурология: Учебное пособие // Состав. и ответств. редактор А.А.Радугин. - М.: Центр, 2003. - С. 14 - 15.

символы постижения божественной мудрости, пути растворения в Боге.

Образ и символ (от греч. *symbolon* – знак, опознавательная примета) – важнейшие категории в искусстве и литературоведении. В "Литературной энциклопедии терминов и понятий" категории символа дается следующее толкование: "Символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и он есть знак, наделенный всей органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа. Переходя в символ, образ становится "прозрачным": смысл "просвечивает" сквозь него, будучи дан именно как смысловая глубина, смысловая перспектива"¹.

Существуют семиотические категории, которые могут рассматриваться как некие универсальные единицы и, одновременно, приобретающие в каждой культурной традиции свои неповторимые черты и имеющие свою специфику. Такой категорией является образ-символ "корабль", который свободно прочитывается как в контексте мировой литературы в целом и татарской литературы – в частности. Данную категорию можно также рассматривать в рамках и традиционной, и индивидуально-авторской поэтики. Эту особенность категории образ-символа подчеркивает и А.А.Азбукина: "Мы считаем, что существует третья разновидность (кроме образов и символов - Л.Ш.) – так называемые – "сквозные", повторяющиеся образ-символы, которые могут приобретать как традиционную, так и индивидуальную авторскую реализацию"².

Генетические корни образ-символа "корабль" можно найти в древнейшем мифе о потопе, распространенном по всему миру, древних литературных памятниках, а позже – в библейских и коранических текстах. В связи с этим возникает необходимость изучения данной категории в мифопоэтическом

---

¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий // Т.Н.Красавченко. - М.: "Интелвак", 2003. - С. 976 - 978.

² Азбукина А.В. Образ-символ "соловей" в русской поэзии XIX века. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук / А.В.Азбукина. - Казань, 2002. - С. 19.

ключе и выявления генезиса мифопоэтических моделей, трансформации традиционных единиц – образов, символов, знаков в современной культурной ситуации, исследования интертекстуальных связей и национальной специфики литературы. Направление исследования от частного к общему делает возможным рассмотрение национальной поэзии как в контексте мировой литературы в целом, так и в его частном бытии. Также выясняется, что на основе трансформации системы образов и символов можно проследить процесс эволюции целой литературной эпохи, выявляя национальные традиции и взаимосвязи с другими литературами. Представляет интерес и употребление образ-символа "корабль" для выражения экзистенциального мироощущения человека в современных условиях. Именно этими особенностями объясняется **актуальность темы диссертации** и наше обращение к исследованию эволюции образ-символа "корабль" в татарской поэзии XX века.

Степень изученности темы. Современная зарубежная и русская литературоведческая наука накопила значительный багаж научных трудов, посвященных изучению литературных произведений и литературного процесса на основе отдельных категорий. Постепенно эта традиция устанавливается и у нас.

Хотя символ столь же древен, как человеческое сознание, его философско-эстетическое осмысление происходит сравнительно позже. Мифологическое миропонимание предполагает нерасчлененное тождество символической формы и ее смысла, исключающее всякую рефлексию над символом. Новая ситуация возникает в античной культуре после опытов Платона по конструированию вторичной, т.е. "символической" в собственном смысле, философской мифологии.

В европейской традиции особый интерес к категории символа возникло у немецких романтиков. В многотомном труде Ф.Крейцера "Символика и мифология древних народов" (1810 – 1812) давалась классификация типов символа. В осмыслении символа немецкие романтики опирались на зрелого

И.В.Гёте, который понимал все формы природного и человеческого творчества как значащие и говорящие символы живого и вечного становления. Однако, в отличие от романтиков, И.В.Гёте не наделяет символ мистической потусторонностью, а видит в нем выражение органичных жизненных начал. Г.Гегель, выступая против романтиков, подчеркнул в структуре символа более рационалистическую, знаковую сторону. Во второй половине XIX века научная интерпретация понятия символа в большей степени исходит из философии Гегеля, однако и романтическая традиция продолжала жить и развиваться. В эстетическую сферу она возвращается к концу века благодаря литературной теории *символизма*, согласно которой истинный символ, помимо неисчерпаемости смысла, передает на сокровенном языке намеков и внушения нечто невыразимое, неадекватное внешнему слову¹.

Символ становится центральной категорией в символистской литературе и философии. Через поэзию символ связал себя в разных странах (прежде всего во Франции, Бельгии, Великобритании, Германии, Австро-Венгрии, России, Италии, Польше, Испании) не только с прозой, драматургией, критикой и литературоведением, но и с другими видами искусства (живопись, музыка, оперный театр, танец, скульптура, оформление книги и интерьера) и модусами гуманитарного знания (философия, богословие), а также с рефлексией на тему "конца-начала века" (декаданса-модернизма)². В татарской литературе, образовавшей в начале XX столетия своеобразный восточно-европейский синтез, символизм проявил себя как литературное течение в 1906 – 1907 годах³. Изучению этого явления и интерпретации символистских текстов посвящено множество трудов как русских авторов,

---

¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий // Т.Н.Красавченко. - М.: НПКи "Интелвак", 2003. - С. 977 - 978.

² Там же. - С. 978.

³ Заһидуллина Д.Ф. Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы / Д.Ф.Заһидуллина. - Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. - 46 б.

так и татарских исследователей. Однако, в данной работе категория символа не рассматривается нами конкретно в свете проблемы символизма, поэтому труды по данной проблеме представлены нами здесь выборочно¹.

В XX веке Э.Кассирер вложил в понятие символа предельно широкий смысл. В его трактовке человек есть "животное символическое"; язык, миф, религии, искусство и наука – суть "символической формы", посредством которых человек упорядочивает окружающий его хаос.

Выдающийся философ А.Лосев проблему символа назвал одной из основных в области литературы и литературоведения². При изучении категории символа и знака большой интерес представляют и труды таких философов и культурологов, как К.Юнг, Э.Гомбрих, Л.Бенуас, У. Эко, К. Свасьян³ и др.

Из литературоведческих исследований, посвященных изучению таких категорий, как "образ", "символ", "знак" наибольший интерес представляют

---

¹ Эллис (Кобылинский Л.Л.) Русские символисты / Эллис. - Томск: Изд-во "Водолей", 1998. - 288 с.; Герман М. Модернизм. Искусство первой половины XX века / М.Герман. - СПб.: Азбука-классика, 2003. - 480 с.; Сэгъди Г. Символизм турынды / Г. Сэгъди. - М.: Центриздат, 1932. - 135 б.; Саяпова А.М. Поэзия Дардменды и символизм / А.М. Саяпова. - Казань: Казанский пед ун-т, 1997. - 210 с.; Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала / Ю.Г. Нигматуллина. - Казань: Изд-во КГУ, 1970. - 210 с.; Ганиева Р.К. Татарская литература: традиции, взаимосвязи / Р.К. Ганиева. - Казань: Изд-во КГУ, 2002. - 272 с.; Заһидуллина Д.Ф. Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы / Д.Ф. Заһидуллина. - Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. - 255 б.

² Лосев А.Ф.Философия. Мифология. Культура / А.Ф.Лосев. - М.: Политиздат, 1991. - 525 с.

³ История философии: Учебник для вузов / В.Ильин. - СПб.: Питер, 2003. -732 с; Гомбрих Э.Символические образы // Вопросы философии, 2001. - №7. - С. 139-148.; Бенуас Л.Знаки, символы и мифы / Л.Бенуас. - М.: ООО "Изд-во Астрель"; ООО"Изд-во АСТ", 2004.-160 с.; Эко У.Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. - СПб.: "Симпозиум", 2004.-544 с; Свасьян К.А.Проблема символа в современной философии (Критика и анализ) / К.А.Свасьян. - Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1980. - 225 с.

труды Эллиса, Ю.Лотмана, В.Виленкина, М.Мурьянова, Г.Саади, А.Саяповой, Р.Ганиевой, Д.Заһидуллиной, Ф.Яхина¹ и др. Особое место занимают работы А.Азбукиной и М.Герасименко, в которых выделяется отдельная категория образ-символа и рассматривается ее эволюция и трансформации в поэтике отдельного автора или определенном литературном контексте².

В процессе исследования эволюции образ-символа "корабль" возникает необходимость в обращении к понятиям миф и мифологема. Отправным пунктом для научных изысканий в этой области послужили статьи А. Козлова, помещенные в энциклопедии "Западное литературоведение XX века" и труды Д.Фрэзера, К.Юнга, Х.Короглы, Л.Климовича,

---

¹ Эллис (Кобылинский Л.Л.) Русские символисты / Эллис. - Томск: Изд-во "Водолей", 1998. - 288 с.; Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. Лотман. - СПб.: "Академический проект", 2002. - С.5 - 225.; Виленкин В. Образ "ветра" в поэтике А.Ахматовой / В.Виленкин // Вопросы литературы, 1995, вып.3, С.138 - 152.; Виленкин В. Образ "тени" в поэтике А.Ахматовой / В.Виленкин // Вопросы литературы, 1994, вып.1, С.57 - 76.; Мурьянов М. Символика розы в поэзии Блока / М.Мурьянов // Вопросы литературы, Ноябрь - декабрь, 1999. - №6. - С.98 - 128.; Сэгъди Г. Символизм турында. - М.: Центриздат, 1932. - 135 б.; Саяпова А.М. Поэзия Дардменда и символизм / А.М. Саяпова. - Казань: Казанский пед. ун-т, 1997. - 210 с., Саяпова А.М. Дардменд и проблема символизма в татарской литературе / Саяпова А.М. - Казань: Изд-во "Алма-Лит", 2006. - 246 с.; Ганиева Р.К. Татарская литература: традиции и взаимосвязи / Р.К.Ганиева. - Казань: Изд-во КГУ, 2002. - 272 с., Ганиева Р.К. Нәжип Думавиның ижат сәхифәләре / Р.К.Ганиева. - Казан: "Отечество", 2003. - 108 б.; Заһидуллина Д.Ф. Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы / Д.Заһидуллина. - Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. - 255 б., Заһидуллина Д.Ф. Дөнья сурәте үзгәрү: XX йөз башы татар әдәбиятында фәлсәфи әсәрләр: Монография / Д.Заһидуллина. - Казан: Мәгариф, 2006. - 191 б.; Яхин Ф. Татар шигъриятендә дини мистика һәм мифология / Ф.Яхин. - Казан: ТДГИ нәшр., 2000. - 268 б.

² Азбукина А.В. Образ-символ "соловей" в русской поэзии XIX века. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук / А.В.Азбукина. - Казань, 2002. - 21 с.; Герасименко М.В. Структурно-смысловая организация зоологических образов-символов в поэзии Н.А.Клюева. Автореф. дис. ...канд. филол. наук / М.В.Герасименко. - Краснодар, 2003. - 19 с.

Н.Фаттаха, М.Бакирова, Ф.Урманче, Г.Давлетшина, Л.Давлетшиной и М.Бюкай¹ – при рассмотрении и трактовке библейских и коранических текстов.

При рассмотрении категории образ-символа "корабль" как выразителя экзистенциального мироощущения мы обратились к работам философов данного направления (М.Хайдеггер, Ф.Ницше, Ж.-П.Сартр, Н.Аббаньяно и др.), а также трудам и концепциям таких авторов, как Р.Ганиева, А.Саяпова, Д.Загидуллина².

---

¹ Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. - Москва: Intrada, 2004. - 560 с.; Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом Завете / Д.Д.Фрэзер. - М.: Политиздат, 1986. - 511с.; Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь / Д.Д.Фрэзер. - М.: Политиздат, 1983. - 704 с.; Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / К.Г.Юнг. - Киев: Порт-Рояль; М.: Совершенство, 1997.; Короглы Х.Г. Легенды и предания о пророках в Библии и Коране / Х.Г. Короглы. - Казань, 2001. - 184 с.; Климович Л.И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии / Л.И. Климович. - М.: Политиздат, 1986. - 270 с.; Фаттах Н. Язык богов и фараонов / Н.Фаттах. - Казань: Татарское книж. изд-во, 1999. - 488 с.; Бакиров М.Х. Шигърият бишеге: Гомумтөрки поэзиянең яралуы һәм борынғы формалары / М.Х. Бакиров. - Казан: Мәгариф, 2001. - 343 б.; Урманче Ф. Борынғы миф һәм бүгенге шигърь / Ф.Урманче. - Казан: РИЦ "Школа", 2002. - 260 б.; Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа / Г.М. Давлетшин. - Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. - 431 с.; Давлетшина Л.Х. Мифологизм в татарской прозе конца XX - начала XXI веков. Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Л.Х. Давлетшина. - Казань, 2005. - 22 с.; Бюкай М. Библия, Коран и наука. Священные Писания в свете современного знания / М.Бюкай. - Киев: "Ансар Фаундейшн", 2001. - 351 с.

² Сумерки богов: Ф.Ницше, З.Фрейд, Э.Фромм, А.Камю, Ж.-П.Сартр. - М.: Политиздат, 1989. - 398 с.; Аббаньяно Н. Введение в экзистенциализм / Н.Аббаньяно. - СПб.: Изд-во "Алетейя", 1998. - 505 с.; Аббаньяно Н. Мудрость философии / Н.Аббаньяно. - СПб.: "Алетейя", 1998. - 305 с.; Ганиева Р.К., Мирсияпова Т. М.Хәнәфи ижатында экзистенциаль мотивлар // Милли мәдәният, 2006. - №10. - 8 - 14 бб.; Саяпова А.М. Поэзия Дардменда и символизм / А.М. Саяпова. - Казань: Казанский пед. ун-т, 1997. - 210 с.; Загидуллина Д.Ф. Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы / Д.Ф. Загидуллина. - Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. - 255 б.

Вышеуказанные работы не исчерпывают всей глубины проблемы образ-символа, его эволюции и возможных путей изучения данной категории в татарской литературоведческой науке и, следовательно, вопрос об исследовании отдельных единиц в ключе "от частного к общему" остается открытым и требует дальнейшего рассмотрения.

Методология и методика исследования диссертации основаны на герменевтике, компаративистике, историко-функциональном рассмотрении проблем образ-символов в татарской поэзии XX века. В ходе исследования интерпретируются как мифологические, религиозные, так и различные литературные тексты, в центре которых фигурирует образ-символ "корабль" и связанные с историей о "всемирном потопе" мотивы. Также выявляются некоторые интертекстуальные связи, существующие в татарской поэзии XX и начала XXI вв.

При изучении литературного процесса XX века мы постоянно сопоставляли художественные тексты татарской поэзии с аналогичными явлениями различных эпох, философско-эстетических концепций мировой литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Символ – всеобщая философско-эстетическая категория, присущая человеческому сознанию с древнейших времен. "Процесс вечного символизирования" (А.В.Шлегель), стремления упорядочить Хаос окружающего мира охватывает все формы существования человеческого общества, его социально-культурной деятельности. Языки, мифы народов мира, различные религиозные системы, научные постулаты, литературные теории – все это есть результат символистского универсализма, знаковости, многозначности смыслов и интуитивных откровений.

2. Татарская литература как часть мировой культуры составляет единое герменевтическое пространство в контексте Восток-Запад, восходящем своими архетипическими корнями, образами-символами "корабля" к мифам о потопе, Священным Книгам христиан и мусульман.

3. Взаимосвязи между религиозным и мифологическим сознанием и художественной литературой продолжает существовать в различных эстетических модификациях на протяжении всего XX века. Обновляются философское осмысление и общественно-политическое звучание символического образа "корабль": доминантной чертой его становится выражение и показ экзистенции татарского этноса, его духовных поисков через призму этатизма – идеологии утраченной государственности.

4. В литературно-эстетическом возрождении и высоко художественном отражении этой важной национальной проблемы велика заслуга поэта-романтика, автора знаменитого стихотворения "Корабль" Дэрдменда (1859 - 1921), заложившего основы мощного "интертекстуального гнезда" символических образов "кораблей" в татарской литературе XX столетия.

Цель и задачи исследования. Главная цель предлагаемой диссертационной работы – выявление генетических корней и путей проникновения образ-символа "корабль" в татарскую литературу, наблюдение за трансформациями данной категории в литературном контексте и изучение ее эволюции. Исходя из цели работы, определяются следующие **задачи**:

– рассмотреть распространенные в различных цивилизациях мифы о всемирном потопе и раскрыть изначальное смысловое содержание образ-символа "корабль";

– изучить данную единицу по Священным Книгам – Библии и Корану, раскрыть ее религиозную символику и проследить пути проникновения в литературу;

– исследовать смысловую особенность образ-символа "кораб" ("корабль") в татарской поэзии начала XX века и выявить специфику его трансформации;

– истолковать данную категорию, как выразителя экзистенциального мироощущения;

– определить смысловые нагрузки образ-символа "корабль" в поэзии конца XX - начала XXI вв.;

– раскрыть смысловые нагрузки образ-символа "корабль" в любовной лирике и выявить новые нюансы;

– указать на "интертекстуальное гнездо", восходящее к установленному смысловому содержанию данной категории в начале XX века.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в татарском литературоведении целое исследование посвящается специальному изучению отдельной категории – образ-символа "корабль" в его становлении, эволюции и всевозможных трансформациях в контексте татарской литературы XX века. Исходя из этого, образ-символ "корабль" рассматривается нами в следующих плоскостях: универсальное и национально-ментальное, универсальное и контекстуальное, традиционное и индивидуальное, традиционное и новосмысловое и т.д.

В диссертации также прослеживаются моменты актуализации или ретардации – "угасания" использования данной категории в связи с историческими событиями и изменением национального сознания и мироощущения человека, также выявляется формирование целой смысловой парадигмы этой единицы в татарской поэзии XX века.

Объектом исследования являются мифы о потопе, распространенные по всему миру, библейские и коранические тексты, комментарии к ним, хадисы, древнеаравийские поэтические образцы, стихотворения восточных поэтов, произведения татарских поэтов начала и первой половины XX века: Дэрдменда, Г.Тукая, Н.Думаи, М.Гафури, З.Ярмаки, Дж.Юмаева, Г.Шарифи, Гиффат туташ и др., затем – М.Джалиля, Х.Туфана; стихотворения поэтов, творивших в конце XX – начале XXI века: Рашида Ахметзянова, Р.Файзуллина, Р.Гаташа, Л.Шагирзян, Р.Зайдуллы, Г.Мората, М.Мирзы, Р.Сульты, Р.Аймета, Р.Рахман, Сулеймана, Ф.Муслимовой, Н.Сафиной, Б.Рахимовой и др.; также некоторые образцы современной европейской и восточной поэзии и сборник армянского поэта Г.Карчикяна "Якорь-сердце".

Научно-практическая ценность диссертации заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в разработке школьных, вузовских учебных программ, лекционных курсов, семинарских и практических занятий по татарской поэзии XX века, спецкурсов по творчеству отдельных поэтов, чьи произведения рассматриваются в данной работе, а также в научных исследованиях по филологии, культурологии и философии.

Апробация работы. Основные положения диссертации были отражены в семи публикациях автора, опубликованных в "Ученых записках", журнале "Национальная культура", а также прозвучали в выступлениях на ежегодных итоговых конференциях в Казанском государственном университете.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновываются актуальность и научная новизна диссертации, определяются цели, задачи, объект и предмет исследования, его теоретико-методологическая база, методология анализа, характеризуется состояние изученности проблемы, излагается теоретическая и практическая значимость полученных результатов, а также приводится структура диссертации.

Первая глава – "Генетические корни и воплощение образ-символа "корабль" в древнейших источниках" – посвящена научному описанию терминологического поля исследования и изучению объекта в его ранних проявлениях: рассмотрению проблемы мифа и мифоцентризма, "первообразов", осмыслению и обобщению воззрений на данную проблему в зарубежном и отечественном литературоведении, выявлению сущности и традиции проявлений исследуемой категории и связанных с ней мотивов.

В первом разделе, названном "Миф о потопе", классифицируются и рассматриваются мифы о потопе, распространенные по всему миру, выявляется их схожесть и различия, осмысливается их содержание и та информация, которую они в себе несут.

В основе мифа о потопе лежит информация о спасении человечества и этот мотив является важнейшим для всей последующей цивилизации и культуры, а образ-символ "корабль" становится одной из центральных единиц в искусстве.

Мифы о потопе были тщательно изучены и классифицированы под углом ритуальности знаменитым английским антропологом Д.Фрэзером. Его изложение содержания множества мифов и их осмысление весьма ценны и по сегодняшний день. Д.Фрэзер подчеркивает в трудах свой исключительно литературоведческий интерес к проблеме и особо не углубляется в вопрос о возможности происхождения всемирной катастрофы

и рассмотрения мифов как носителей закодированной информации о человечестве. Однако не все представители сложившейся в начале XX века в англо-американском литературоведении ритуально-мифологической школы были согласны с таким подходом. В дальнейшем развивали идеи о мифе Д.Фрэзера сторонники ритуализма (Э.Чемберс, Д.Харрисон, Ф.Корнфорд, Г.Мэррей), однако все возрастающую заинтересованность вызывали идеи представителей другого течения (Э.Тэйлор, М.Бодкин, Р.Чейз, Н.Фрай), основанного на аналитической психологии и учении о "первообразах" – архетипах К.Юнга. В своей статье, посвященной трактовке воззрений К.Юнга, А.Козлов пишет: "Идеальным проявлением коллективного бессознательного (по мысли не только Юнга, но и Шеллинга) были мифы, образы которых превратились в архетипы, стали основой всего последующего художественного творчества. Развитие современного искусства и литературы мыслится Юнгом как извлечение художником из запрограммированного в нем бессознательного более или менее замаскированных "осовремененных" неизменных сущностей – архетипов или "первоначальных образов"¹.

Таким образом, представители второго течения мифологической школы не только развивают идеи и концепцию К.Юнга, но и утверждают мысль о процессе постоянного возрождения мифологических мотивов, образов, сюжетов и тем в рамках литературного произведения. Такой подход сегодня признается многими литературоведами. Однако, в русском и татарском литературоведении, в отличие от западного, миф не воспринимается как извечная художественная модель, "само произведение", а рассматривается как первооснова и неиссякаемый источник образов, мотивов и сюжетов для всей последующей литературы.

Важную особенность мифов подчеркивает М.Бакиров, образно называя их "окутанной мечтой народной памятью, его исторической

---

¹ Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. - Москва: Intrada, 2004. - С. 262.

летописью"¹. Подтверждение этому мы находим при изучении многочисленных мифов, древнейших литературных памятников.

Древнейшее упоминание о кораблекрушении и литературное его изложение, изображение "корабля" мы находим в египетских источниках ("Рассказ о потерпевшем кораблекрушение") и ритуальных текстах "Египетской книги мертвых", в которых прослеживаются отголоски истории о потопе. Однако, самыми древними источниками мифа о потопе являются, по всеобщему мнению, шумерские, затем вавилоно-аккадские таблички. Также ценным источником являются еврейские тексты, ставшие основой Библии и канонического варианта изложения этого сюжета. Помимо этого, сохранились предания о потопе у греков, индейцев Северной и Южной Америки, австралийских аборигенов и многих других народов. В нашей же местности сохранилось поверье, что родоначальником татарского народа является сам Нух (Ной). Об этом упоминается в трудах Г. Давлетшина² и на этом убеждении построены некоторые работы Ф. Байрамовой и создано произведение "Ноев ковчег"³.

Таким образом, образ-символ "корабль", фигурирующий в древнейших мифах в роли "чудесного спасителя" человечества и поныне сохраняет это первоначальное смысловое содержание, выступает в литературе как некая устойчивая универсальная, и в то же время имеющая национальные и ментальные особенности категория.

Во втором разделе, названном "Образ-символ "корабль" в Священных Писаниях, его религиозная символика и традиции в литературе" объект нашего исследования рассматривается как важная

---

¹ Бакиров М.Х. Шигърият бишеге: Гомумтөрки поэзиянең яралуы һәм борынғы формалары / М.Х.Бакиров. - Казан: Мәгариф, 2001. - 44 б.

² Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа / Г.М. Давлетшин. - Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. - С. 97 - 98.

³ Бәйрәмова Ф.Ә. Туфаннан таралган татарлар / Ф. Бәйрәмова. - Казан: Мәгариф, 2004. - 448 б.

единица, фигурирующая в священных текстах Библии и Корана, а также выступающая в роли несущего огромное значение религиозного символа как в христианском, так и мусульманском мире. Обнаруживается тот же изначальный мифологический смысл, заложенный в этот образ-символ, и обретший постоянное звучание через религиозную окрашенность.

Помимо этого, религиозная символика данной единицы расширяется и со временем даже сами верования, церковь, некие духовные реалии стали выражаться через этот символ. Например, и в христианской, и мусульманской традициях принято называть Церковь или Веру "кораблем спасения" для людских душ. На эту символику "корабля" обратили внимание Е.Шейнина и Ф.Яхин¹.

Таким образом, с изначальным мифологическим и приобретенным религиозным содержанием образ-символ проникает в литературные произведения западных и восточных авторов и пронесит эту символику вплоть до XIX и начала XX вв. Однако, параллельно с этим содержанием в европейской литературе продолжает сосуществовать и другое, восходившее к античности – к стихам Алкея (кон. VII – нач. VI века до н.э.), Квинта Горация Флакка (65 – 8 гг. до н.э.) и др., которое воплощает через этот образ-символ идею государства, империи или другой политической формации или же судьбу человека, его бытие, земное существование. В дальнейшем к этой литературной традиции писатели обратятся не раз и, особенно, в бурные, беспокойные времена, в эпоху общественных катаклизмов, войн, революций. В таком ключе можно интерпретировать, например, "Пьяный корабль" А. Рембо, или же некоторые стихотворения Ф.Тютчева, "Парус" М. Лермонтова и многие другие произведения. Эта же традиция присуща и татарской поэзии.

В европейском и русском романтизме символика "парусника"

---

¹ Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов / Е.Я. Шейнина. - М.: ООО "Изд-во АСТ"; Харьков: "Торсинг", 2003. - С. 237 - 242.; Яхин Ф.З. Татар шигъриятендә дини мистика һәм мифология / Ф.Яхин. - Казан: ТДГИ нәшр., 2000. - 26 - 27 б.

обозначает устремленность к новым берегам, событиям, к неизведанному, другими словами символизирует волю, романтику. Это значение образа-символа есть почти у каждого поэта, начиная с английских романтиков и заканчивая современными поэтическими текстами любого молодого автора.

В XX веке, продолжая библейские традиции и трактуя образ-символ "корабль", сюжет потопа и мотив спасения в новом философском ключе, произведением "Цитадель" выступил А.Сент-Экзюпери, а также циклами "Изгнание" (1941), "Ливни" (1943) поэт Сен-Жон Перс. В библейском ключе трактует данный образ-символ в своих некоторых стихотворениях и Марк Шагал ("Где та голубка", "На корабле", "Корабль"). Помимо этого, интересным литературным явлением представляется повесть А. Шмуэля "В сердцевине морей", возрождающая в своей канве мифологический сюжет библейского потопа и интерпретирующая его, связывая с современной ситуацией, духовным состоянием нации и мироощущением индивидуума.

В восточной поэзии символика "корабля" чаще использовалась для выражения метафизических идей и настроений. В доисламской арабийской поэзии имеются прекрасные строчки жившего до середины VI в. поэта Имруулькайса, у которого символика "корабля" еще совершенно свободна от религиозного содержания и поражает своей искренней метафоричностью:

*Даже Стожары взошли и недвижно стоят
К скалам привязаны, словно ладьи на причале...¹*

Позже, кораническое изложение истории потопа и символ "Ноева ковчега" ("Нух кәймәсе") трансформируют исследуемый нами образ-символ и наполняют его новым содержанием. Это подтверждают стихи Ибн Ар-Руми (836 - 896), Ибн Аль-Мутааз (869 - 908), Аль-Мутанабби (915 - 965) и многих других. Помимо этого, образ-символ "корабль" в восточной поэзии символизирует и судьбу, удел человека, брошенного в бурный поток жизненной стихии, и в этом значении задолго до экзистенциалистских

---

¹ Арабская поэзия средних веков. Пер. с арабского. - М.: Худ. лит-ра, 1975. - С. 28.

философских концепций в Европе посредством поэтического слова излагают те же истины Хакани ("Дворцы царей подобно морю..."), Хафиз ("Кому удел нетлетворный в тлетворных столетях дан?.."). Образ-символ "корабль" активно используется в любовной лирике. В творчестве Хафиза, Руми, Хакани, Хайяма, Баба Тахира, в стихотворениях андалузских поэтов, а также знаменитых тюркских поэтов Надиры и Увайси этот образ-символ встречается постоянно. Представляет особый интерес использование этой единицы в японской поэзии и ее трансформация.

В мусульманской и суфийской традициях образ-символ "корабль" символизировал Веру – как в конкретно-религиозном смысле (дин), так и в духовном, этическом и мистическом (иман). Выявляя эту его особенность в тюркской литературной традиции, Ф.Яхин подчеркивает, что помимо изначального коранического, мифологического значения ("корабль спасения"), этот символ имеет еще более глубокое – мистическое значение: он является символом "спасения через веру, выполнение божьих канонов". В этом случае ислам и его традиции являются "духовным кораблем, переправлявшем человека через бранный мир в истинный, нетленный"¹.

Образ-символ "корабль" был излюбленной единицей в творчестве таких средневековых тюркских суфийских поэтов, как А. Ясави (кон. XI в. - 1166), С. Бакыргани (? - 1186), С. Аллахияр (1616 - 1713) и др.

К образ-символу "корабль" обращался и ливано-английский писатель и философ Х. Джебран в своем знаменитом произведении "Пророк".

Вторая глава - "Образ-символ "корабль" в татарской поэзии XX века" – посвящена исследованию использования образ-символа "корабль" в татарской поэзии начала века, его эволюции и смысловых трансформаций.

---

¹ Яхин Ф. Татар шигъриятендә дини мистика һәм мифология / Ф.Яхин. - Казан: ТДГИ нәшр., 2000. - 27 б.

Первый раздел – "Кораб" как символ "государства", "народа" и "нации" в поэзии начала XX века – посвящен изучению выбранной нами категории в период социальных катаклизмов, революций и, одновременно, подъема национального самосознания татарской нации и момента его культурного Возрождения или, как подчеркивает Р.Ганиева, "второго Ренессанса"¹. В начале века под влиянием социальных и исторических событий, а также формирования в культурном контексте своеобразного восточно-европейского синтеза, татарская литература претерпевает некоторые изменения. Это касается и системы традиционных образов и символов, которые, при сохранении своей национальной специфики, стали приобретать новые смысловые нагрузки и видоизменяться.

Образ-символ "корабль" в эту пору и в татарской поэзии свободно прочитывается в одном ряду с произведениями Тютчева, Лермонтова и приобретает смысловую нагрузку, выражающую идею национального самовыражения, самоосуществления. Правда, в отличие от русской литературы, в ней обостряются актуальные для татарской действительности начала века мотивы "конца-исчезновения" (инкыйраз), "жертвенности" (корбан бирү) и "пробуждения" (уяну), "обновления", "возрождения" (янадан туу), прорыва к новому.

Одним из самых значительных произведений в поэзии начала XX века, бесспорно, считается знаменитое стихотворение Дэрдменда "Корабль" "Кораб" (1908), оказавшее огромное влияние на современную для поэта, да и на все последующее развитие поэзии XX столетия.

*И день и ночь
Грохочет море,
А паруса рвет ветер злой.
Не превозмочь,*

---

¹ Ганиева Р.К. Татарская литература: традиции, взаимосвязи / Р. Ганиева. - Казань: Изд-во КГУ, 2002. - С. 12.

*Не переспорить,
Несет корабль к земле чужой.*

*Волна нагрянет,
Ее кручина
Швырнет корабль страны родной.
Какая тянет
Нас пучина
И жертвы требует какой?!*

(перевод М.Зарецкого)

Стихотворение "Корабль" свободно прочитывается в литературно-эстетическом и социально-историческом контексте времени революционных преобразований. Однако его смысловая глубина не исчерпывается этим. Предельной обобщенностью образов автор оставляет возможность восприятия его и в исторической перспективе, а также в индивидуальной плоскости.

Известно, что до стихотворения Дэрдменда с использованием образ-символа "корабль" было написано другое произведение – "Эпоха революции" Н.Думава (1906) и здесь данная единица, по мнению Р.Ганиевой, реалистично выражала российскую действительность того времени, а конкретнее – являлась "однозначным символом самодержавия"¹. К образ-символу "корабль" обращался также и Г.Тукай в своем стихотворении "Националисты" "Миллэтчелэр" (1908), в котором поэт одновременно использует и мотив "жертвенности" ("корбан бирү"), подчеркивая, что для возрождения и спасения нации требуется некая "избранная, чистая душа" и, тем самым, отсылает нас к мифологическим корням данной единицы.

Несмотря на это, самым выдающимся произведением, центральным

---

¹ Ганиева Р.К. Нәжип Думаваһның иҗат сәхифәләре / Р.К. Ганиева. - Казан: Изд-во "Отечество", 2003. - 29 - 30 б.

образ-символом которого является "корабль", по сей день остается стихотворение Дэрдменда. В татарском литературоведении об этом произведении накопилось значительное количество мнений и научных исследований. В книге "Татарские поэты" (1913) Г.Ибрагимов уделяет особое внимание анализу стихотворения и прочитывает образ-символ "корабль" в исторической перспективе, не связывая его лишь с конкретным временным отрезком и событиями. Но все же в конце своих размышлений, возвратившись к историческому контексту, он подчеркивает, что тревожность времени невольно заставляет задумываться над будущим и нынешним ходом событий.

Об уникальном мироощущении Дэрдменда и о стихотворении "Корабль" после Г.Ибрагимова высказывались Дж.Валиди, Г.Саади, Г.Халит. Дж.Валиди назвал Дэрдменда "мастером символизма"¹, а Г.Саади в своем труде "О символизме" уделил значительное место рассмотрению творчества Дэрдменда и подчеркивал, что его символизм имеет и восточные (чыгтай һәм госманлы символизмы) корни и очертания². В дальнейшем мысли этих ученых развивает Г.Халит, который относит дэрдмендовские символы к атрибутам романтической поэтики, и подчеркивает, что в образ-символе "корабль" заложен смысл судьбы нации и ее будущего³.

И.Нуруллин, акцентируя внимание на классовой принадлежности поэта, высказывает мысль о том, что в образ-символе "корабль" Дэрдменд подразумевает татарскую либеральную буржуазию и выражает в своем стихотворении разочарованность по поводу ее бездействия и ненадежности⁴.

Позже Н.Хисамов обращает внимание на мотив "жертвенности" (корбан

---

¹ Бертуган Рәмиевләр: Фәнни-биографик җыентык. - Казан: Рухият, 2002. - 29 б.

² Сәгъди Г. Символизм турында / Г.Сәгъди. - М.: Центриздат, 1932. - 135 б.

³ Бертуган Рәмиевләр: Фәнни-биографик җыентык. - Казан: Рухият, 2002. - 29 б.

⁴ Нуруллин И.З. XX йөз башы татар әдәбияты / И.Нуруллин. - Казан: Тат. кит. нәшр, 1982. - 49-52 б.

биру) и рассматривает его в связи с реалиями эпохи, подчеркивая, что в образ-символе "корабль" Дэрдемнд, прежде всего, подразумевает судьбу своего народа, т.е. татарской нации. Н.Хисамов также подчеркивает, что образ-символ "корабль" в фаталистическом духе использовался в европейской философии еще А.Шопенгауэром, а в татарскую поэзию XX века проник как воплощение исторических и социальных катаклизмов и мрачных предчувствий краха нации¹.

А.Саяпова, изучившая творчество Дэрдемнда в монографическом плане, рассматривает его наследие как символистское явление и интерпретирует, основываясь на философии экзистенциализма. Таким образом, "корабль" в ее интерпретации представлен и как образ-символ, содержащий национальный, исторический, "вечностный" смысл, и как единица, имеющая индивидуальную нагрузку, т.е. выражающая судьбу и бытие отдельного индивида. Также она подчеркивает пророческий дух и глубокую трагическую тональность стихотворения "Корабль" и делает следующее замечание: "Дардемнд – поэт с огромной интуицией в чувстве времени человеческого бытия: его многие произведения могут восприниматься как пророческие (например, стихотворение "Корабль")².

Ф.Яхин и Д.Загидуллина рассматривают образ-символ "корабль" как носителя, сохранившего мифологический пласт смысловых нагрузок. Ф.Яхин подчеркивает, что ни один образ, приобретший символическое значение, не может жить без своей изначальной смысловой окраски. Таким образом, он возвращает образ-символу "корабль" его изначальное мифологическое и религиозное значения, прочитывая и дэрдемндовский, а также и тукаевский "корабль" ("көймә"), в основном, в контексте восточной

---

¹ Хисамов Н. Дэрдемнд / Н. Хисамов // История татарской литературы нового времени (XIX - начало XX в.). - Казань: Фикер, 2003. - С. 301 - 315.; Мэшъриктэн Мэгърипкэ шигъри күпер / Н. Хисамов // Мэдэни жомга. - 7 сентябрь, 2007. - 17 б.

² Саяпова А.М. Дардемнд и проблема символизма в татарской литературе / А.Саяпова. - Казань: Изд-во "Алма-Лит", 2006. - С.35.

литературной традиции¹. Д. Загидуллина акцентирует внимание на возможности интерпретации дэрдмендовского стихотворения "Корабль" в оппозициях – прошедшее / сегодняшнее (или современность), единое / частное, а также утверждает необходимость "прочтения" данной категории в суфийских традициях. По ее мнению, дэрдмендовское определение "чужой страны" вызывает ассоциации с идеей "обращения к Западу"².

После публикации Дэрдмендом стихотворения "Корабль" (1908), были написаны множество назира, подражаний (тэкълид), дополнений (гыйлавэ) и обращений. Самыми оригинальными среди них являются стихотворения Дж. Юмаева "Дополнение к стихотворению Дэрдменда "Кораб", Г.Шарифи "В море" и др. В них выражается отношение к стихотворению поэта и исторической ситуации, а также делается попытка развить мысль Дэрдменда, определить возможные пути спасения татарской нации в кризисную эпоху. В связи с этим, в канву многих стихотворений начала XX века проникают мотивы, использованные в творчестве других авторов, которые своеобразно переплетаются с дэрдмендовскими идеями. Такими являются реминисценции "мотив конца, краха" ("инкыйраз") Г. Исхаки и "возрождения", "обновления" С. Рамеева. Подобные интертекстуальные мотивы являются характерными для татарской литературы и культуры на рубеже веков и в период социальных потрясений, они также преобладают и в русской литературе начала века. Так возникает возможность рассмотрения многих литературных явлений данного, да и последующих периодов в сравнительно-типологическом плане.

Кроме вышеуказанных характерными произведениями являются стихотворения Н. Хакимова "В промежуточном состоянии" ("Торыр-торма"),

---

¹ Яхин Ф.З. Татар шигъриятендэ дини мистика һәм мифология / Ф.З. Яхин. - Казан: ТДГИ нәшрияты, 2000. - 26 - 29 б.

² Загидуллина Д.Ф. Дөнья сурәте үзгәрү: XX йөз башы татар әдәбиятында фәлсәфи әсәрләр: Монография / Д.Ф. Загидуллина. - Казан: Мәгариф, 2006. - 70 б.

С.Сунчелея "Взглянул я на родные просторы" ("Күз салдым мин туган яктарыма"), Х.Габидова "Зачем потухают эти свечи?" ("Нигэ бу шәмнәр сүнә?"), Ф.Ибрагимова "Схожу с ума" ("Шашам"), К.Курмашева "Эпоха" ("Заман"), С.Кудашева "Зачем?" ("Нигэ?"), З.Ярмаки "Из дорожной тетради" ("Юл дәфтәрәннән") и т.д. Отдельного внимания требует стихотворение М.Гафури "Судьба" ("Язмыш", 1915), которое воспринимается как некая реакция на последующие послереволюционные события, их интерпретация и развитие идейно-эстетического содержания не только дэрдмендовского произведения, но и вышеупомянутого произведения Н. Думави.

В 1920 - 30-х годах к образ-символу "корабль" обращались М.Джалиль, А.Ерикей, Н.Исанбет. В годы установления и упрочнения советского режима образ-символ "корабль" приобретает реальные очертания. Например, в стихотворении М.Джалиля "Подводному кораблю "Неверующий" ("Су асты көймәсе "Алласыз"га) "корабль неверующих" ("алласызлар корабы") одновременно является и символом реального подводного корабля, и выразителем идеологических установок эпохи. В этот же период активизируется и романтическая символика "паруса", которая чаще используется для выражения мятежного, ищущего духа отдельного индивида, но иногда приобретающая и социальные, исторические очертания (Н. Исанбет, А. Ерикей и др.).

Четкое социально-историческое содержание приобретает "корабль" в поэзии Х.Туфана, в котором причудливо переплетаются социальные и индивидуальные плоскости. Изувеченная преследованиями тоталитарной эпохи судьба поэта приобретает общие масштабы, прочитывается как судьба множества людей, как трагедия целой эпохи, государства, народа. Таким содержанием наполнены его стихотворения "Не утихай, буря!" ("Тынма, давыл!") и являющееся своеобразным продолжение-ответом к дэрдмендовскому сочинению – "Поднимает паруса" ("Жилкәнен киерә" (1961 - 67)). Последнее отражает также его мысли как поэта и человека, носившего в себе целую эпоху с его приобретениями и потерями, показывает его

озабоченность судьбою, будущим татарской поэзии и культуры, историей в целом. Близкие к этому настроения, мотивы имеются и в творчестве русской поэтессы А.Ахматовой, испытавшей, также как Х.Туфан, все ужасы тоталитарного режима на примере собственной судьбы. Таково ее стихотворение из "Сожженной тетради" – "Пусть мой корабль пошел на дно..." (1956).

Во втором разделе – **"Образ-символ "корабль" как выразитель экзистенциального мироощущения"** – рассматривается возможность "прочтения" множества произведений начала века, да и последующего периода в контексте экзистенциальной философии. Однако, мы не ограничиваемся освещением этой проблемы лишь в рамках конкретного временного отрезка, а рассматриваем ее гораздо шире – в исторической перспективе и контексте западно-восточных традиций. О необходимости такого восприятия говорил М. Мамардашвили: "Философия всегда одна и та же, и она всегда была также экзистенциальна во времена Платона, как и во времена Хайдеггера и наоборот"¹. Подобного мнения придерживаются многие философы, писатели и мыслители современности. Д. Фаулз, например, считает, что "экзистенциализм – это не философия, а способ рассмотрения и использования других философий. Это теория относительности посреди теорий абсолютной истины"². На такой мировоззренческой основе возникла срединная "позитивная философия" Н. Аббаньяно и идея о возможности "третьего пути".

Д. Загидуллина, исследовавшая проблему экзистенциализма в татарской литературе начала XX века, подчеркивает, что в данный период было написано множество произведений в подобном духе. Мы считаем, что "европейский экзистенциализм", безусловно, повлиял на мироощущение

---

¹ Саяпова А.М. Поэзия Дардменда и символизм / А.М. Саяпова. - Казань: Казанский пед. ун-т, 1997. - С. 210

² Фаулз Д. Аристос / Д. Фаулз. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. - С. 232 - 234.

татарских мыслителей и писателей начала XX века, однако, как некая вневременная философская система, экзистенциализм существовал во всех культурах и литературах всегда. Не зря большинство представителей европейского экзистенциализма XX века были озабочены проблемами языка и литературного творчества, потому что писательство – это уже "экзистирование" или наджизненное бытие.

Обострение экзистенциального мироощущения татарских писателей в начале XX века можно объяснить также и "внутренним психологическим состоянием" самой нации, его чаяниями и ожиданиями в эту кризисную пору. Не случайно во многих произведениях татарской литературы индивидуальные и социальные пласты сливаются в единое целое и, таким образом, идея счастья и свободы нации, восстановления ее государственности, возможность ее воплощения воспринимаются как личное счастье, личная свобода каждого индивида, а ее крах – как всеобщая трагедия.

К произведениям, в которых частное и общее, или личное и социальное сливаются воедино можно отнести триптих З.Ярмаки "Ощущения" ("Тойгылар"). В первой части данного произведения мы видим одухотворенного, горящего творческими замыслами лирического героя, ощущающего себя в этой жизни комфортно и уютно. Он чувствует себя "пророком", неким "сверхчеловеком", способным изменить ход светил и, в традициях Ф.Ницше, он поэтически бунтует, рвется за пределы человеческих возможностей. Свое внутреннее состояние, одухотворенность, поэтический дар он метафорически сравнивает с "кораблем": *"не тону в морях – во мне есть "кораб"*. Образ-символ "корабль", использованный в таком духе имеется и у самого Ницше.

Во второй части триптиха выступают национальные образы, символы, персонажи, а лирический герой, говоря о земных войнах, несправедливостях, безысходности своего состояния, обращается к тоскующей луне и изливает свою душу живущей на ней Зухра-кыз. Далее его монолог превращается в

некий "метафизический бунт", возвращая нас к его истокам и напоминая, что поэт-творец в ответе за все на земле и перед Вечностью и борется он за свою правду и право видения собственным словом.

В татарской поэзии начала XX века имеются и стихотворения, в которых через символику "корабля", "моря", "бури", "волн" выражено существование человека в брэнном мире, его малые и большие деяния, борьба, преклонение перед судьбой и Первоначалом. В стихотворениях такого рода образ-символ "корабль" выступает как единица, выражающая жизнь, судьбу, бытие отдельного человека и часто становится устоявшейся категорией в поэтике отдельного автора. К таким можно отнести произведения "Тормыш" ("Жизнь") К. Юлдашева, "Жизнь-бытие" (Хэят-гомер") З. Башири, "К жизни" ("Гомергэ") Гиффат туташ и др. В поэтике последней образ-символ "корабль" занимает особое место.

В поэзии начала XX века также многочисленны произведения, в которых посредством данного образ-символа выражаются любовные переживания отдельного человека или вообще говорится об этом чувстве. Традиция эта существует как в западной, так и в восточной литературах. Примером тому послужат многочисленные стихотворения Гиффат туташ и стихотворение З. Ярмаки "Угасает пламя в душе и не возвратится уже..." ("Сүнэ ялкын йөрәктә, мәңге килмәс...").

Все это свидетельствует о прочном утверждении образ-символа "корабль", как одной из центральных художественно-эстетических категорий в татарской литературе начала XX века.

Третья глава – "Образ-символ "корабль" в татарской поэзии конца XX - начала XXI века" – посвящена рассмотрению эволюции и различных трансформаций исследуемой нами категории в современной поэзии. Здесь же выявляются интертекстуальные связи, установленные в татарской поэзии в течении века, в связи с дэрдмендовским стихотворением "Корабль" в особенности.

В первом разделе третьей главы, названном "Символика "корабля" в литературном контексте конца XX - начала XXI вв." дается краткий обзор, характеристика социальным и историческим событиям конца века и духу, царившему в культурной и литературной среде этого времени. Подчеркиваются особенности, свойственные этой переломной эпохе и особенно – актуализация национального вопроса. По мнению Р. Закирова, "это связано с тем, что современное общество живет в эпоху глобализации, в условиях которой региональные рамки и национальные особенности рискуют раствориться в общем "котле" сложных международных отношений, а самим народам неминуемо угрожает исчезновение и унификация их этнических особенностей. "Всплеск национализма", о чем в последние десятилетия твердят этнологи и политологи, несомненно связан со стремлением различных народов сохранить свою идентичность и самостоятельность, вплоть до государственного суверенитета"¹.

После крушения советской системы и образовавшегося в российской действительности хаоса, в татарском национальном сознании заново пробудился и начался процесс возрождения, обновления. Внутренние течения этого по сути непрерывного, духовного процесса выявлялись еще в поэзии шестидесятников в 1960 - 70-х годах, и, более активно уже – после 1980-х. Однако, советская эпоха с его унифицированными канонами оставила свои серьезные отметины, поставив в кризисное состояние языковой вопрос и, соответственно, вопрос о национальных ценностях, этнической идентификации. Конец XX – начало XXI вв. характеризуется трансформацией национальной проблемы, которая ставилась еще в начале прошлой эпохи. Главной заботой этого возрожденческого движения явились: возврат к собственным корням, истокам, национальным ценностям в области языка, религии, а также к новому "прочтению" и осмыслению

---

¹ Закиров Р.З. Татары в меняющемся мире. Очерки этнополитической истории в XX - начале XXI вв. / Р. Закиров. - Казань: Татарское книжное издательство, 2006. - С. 4.

собственной истории. Также актуальным и абсолютно полярным по сравнению с началом XX столетия стало понятие и идея повторного "обращения и возврата к Востоку" ("Шәрыкка кайту").

В связи с явлениями, общественно-политическими изменениями, произошедшими на рубеже веков и ситуацией, возникшей в национальной среде, в татарской поэзии конца XX – начала XXI века вновь актуализировалось обращение к образ-символу "корабль". Теперь он приобрел новые смысловые нагрузки и стал выражать наиболее конкретные явления и, одновременно с этим, расширил свой круг или парадигму значений. Также он стал стабильно утверждаться в поэтике отдельных авторов и находить применение как выразитель социальных, общественных идей, так и частных, индивидуальных впечатлений.

Образ-символ "корабль" в различных модификациях пронизывает поэзию Рашида Ахметзянова и, в частности, его книгу "Площадь Голода" ("Ачлык майданы"), созданную по впечатлениям и переживаниям событий, происходивших на Площади Свободы во время объявленной отдельными представителями народа и деятелями культуры Татарстана голодовки в 1990-м году. Символика "корабля", "бури", "волны", "бездны" и мотив "жертвенности" раскрываются, расшифровываются здесь в ключе знаковости дэрдмендовского произведения. Иногда автор с первых строчек отсылает нас к ситуации начала века и, таким образом, прокручивает собственную спираль национальной истории. К таким знаковым стихотворениям относятся "Невозможно!" ("Булмый ул!"), "Монолог Ахата Мушинского" ("Әхәт Мушинский монологы"), "В волнах, обещающих одну лишь бурю..." ("Давыл вәгъдә иткән дулкыннарда..."), "Однажды уже грянул..." ("Бер дулады..."), "Спускался я к озеру" ("Күлгә төшкән идем") и др. Книга является целой галереей персонажей и монологов, бесед, даже полемики с образами ушедших, канувших в историю выдающихся людей татарского народа, а также со своими обычными и знаменитыми современниками, сподвижниками. Так проступает другой, более глубинный смысл названия

книги и мы начинаем воспринимать его как "голод по свободе", "голод по самовыражению", "по собственной истории и бытию".

Н.А.Бердяев считал, что "национализм связан с этатизмом (идеология государственности). Национализм может реализовать себя только через государство. Без приобретения государственной силы национализм остается только эмоциональным состоянием"¹. Этой особенностью национального самовыражения наполнена вся татарская поэзия начала и конца XX столетия. Таким образом, творческими людьми создается модель собственного этнического, национального бытия в рамках словесности, культуры в целом. Здесь же "проживается" и собственная история, направленная собственной рукой и по собственному уразумению. Такую же особенность мы замечаем и в других национальных литературах, например, в произведениях А.Шмуэля "В сердцевине морей", в стихотворениях "Где та голубка", "На корабле", "Корабль" художника М.Шагала, возрождающих еврейскую историю и былое величие в рамках художественного творчества. Подобную специфику имеют произведения некоторых латиноамериканских авторов и книга "Якорь-сердце" армянского поэта Г.Карчикяна. Стихи и духовное состояние последнего сближаются с мироощущением многих татарских авторов его возраста и эпохи еще и тем, что здесь имеются общие общественно-политические моменты и точки соприкосновения.

К этому ряду мы можем отнести многочисленные стихотворения Г. Мората "Мозаика Литвы" ("Литва мозаикасы"), "Кораб", "Уход мастера" ("Останың китүе"), в которых поэт предельно сближает первоначальные архетипы "Ноев ковчег" – "ковчег спасения" и творчески заложенные Дэрдмендом смысловые нагрузки рассматриваемой нами философско-эстетической категории образ-символа "корабль".

---

¹ Гуревич П.С. Культурология: Учебник / П.С. Гуревич. - М.: УИЦ "Гардарики"; Литературно-педагогическое агентство "Кафедра-М", 1999. - С. 238 - 239.

Оригинальным воплощением подобного слияния могут считаться газели М.Мирзы, которые и формой, и метафизичностью содержания являются продолжателями восточной, также и дэрдмендовской традиции: "Небеса в ожидании зова о грядущем дне..." ("Күкләр хэбәр көтә шул көн хакында..."), "Не равнодушны небеса к земному..." ("Күкләр битараф түгел һәр тарафка...").

Объединяют в единое целое основные (мифологическое, общественное) смысловые нагрузки образ-символа "корабль" и наполняют его новым идейно-эстетическим звучанием поэты Р.Сульты "Корабль духа" ("Рух корабы"), Р.Аймет "Не прекращайся, дождь!" ("Тынма, яңгыр!"), Л. Шагирзян "Литературный корабль" ("Әдәбият корабы").

Р.Сульты раскрывает "первоначальное" мифологическое звучание данного образ-символа и возрождает архетипический сюжет, связанный с Ноем (Нух), в рамках своего произведения, хотя использует его для выражения собственного видения современного духовного состояния татарской нации. Его лирический герой пророчествует о явлении нового пророка, замены Ноя и о спасении земли от новой, уже духовной катастрофы. И пророком объявляется поэт с его словесным всемогуществом.

Стихотворение Р.Аймета продолжает нить мысли вышеуказанного произведения, оно могло бы свободно прочитываться и в контексте поэзии начала XX века. Здесь выступают конкретные мифологические, библейские и коранические детали, также явно обыгрывается мотив "возрождения", "обновления", восходящий к стихотворению "На заре" С.Рамеева в начале прошлого столетия и поэзии русских символистов. Здесь же чувствуются и отголоски метаний и пророческих видений А.Блока. Таким образом, стихотворение Р.Аймета является как бы поиском путей возрождения, сохранения культурных ценностей, себя и вместе с тем "метафизическим бунтом" одинокого, гордого, непоколебимого и бесстрашного перед катастрофой лирического героя.

И ответом-отголоском на стихотворения Р.Сульты и Р.Аймета является "Литературный корабль" ("Әдәбият корабы") Л.Шагирзян, в котором вечным спасителем нации и хранителем его духовных ценностей объявляются родное Слово и Великая Литература татарского народа.

"Корабль" в татарской поэзии конца XX - начала XXI вв. стал применяться и как образ-символ, воплотивший судьбу Земли, Вселенной, самой Галактики. Свидетельство тому – стихотворения Р.Гаташа "Не привыкну к странностям этой Вселенной..." ("Күнегә алмам сәер бу Жиһанга..."), Р.Зайдуллы "Пьяный" ("Исерек"), Р.Ахметзянова "Жаворонки" ("Тургайлар") и др.

Во втором разделе третьей главы – "Смысловые нагрузки образ-символа "корабль" в любовной лирике и его новые звучания" – выявляется символика "корабля", "моря", "волн", "бездны" в любовной лирике современных авторов. Подчеркивается, что использование этой символики имеет свои аналогичные традиции в восточной и западной поэзии.

Образ-символ "корабль" активно использует в любовной лирике известный поэт-романтик Р.Гаташ. В его поэзии параллельно употребляются символика "корабля" и "паруса", являющихся неизменными атрибутами романтической поэзии. Также Р.Гаташ использует различные мифологические сюжеты. В ранней лирике он обращается и к античному сюжету, связанному с Одиссеем, его путешествием, соответственно используя и символику "корабля". Наиболее значительными стихотворениями в этом ряду являются "Парус" ("Жилкән"), "Большому кораблю - большое плавание..." ("Зур корабка – зур дәрәя, ди..."), "Лишь взглянешь ты, и умалишь меня" ("Бер карашыңнан кечерәйсен... "зурлыгым"...").

Активно используется данный образ-символ в любовной лирике Р. Файзуллина "Любовь эта морю подобна..." ("Бу Сәю - диңгез икән..."), Рашида Ахметзянова "Мольба" ("Январу"), Р.Зайдуллы "Тишину похитила Любовь..." ("Сәю тотты да тынлыкны..."), Г.Мората "Тихо тают крылья"

("Әкрен генә эри канатлар"), М.Мирзы "В лике луны увидел твои очертания..." ("Тулган айда күрдем йөзең төсләрең..."), Ф.Муслимовой "Крушение" ("Һәлакәт"), Н.Сафиной "Наша лодка" ("Безнең көймә"), Б.Рахимовой "Уже не суждено мне уйти никуда..." ("Беркая да инде китә алмам...") и многих других.

По-прежнему активен данный образ-символ в выражении человеческой судьбы, его удела в условиях "жизненных бурь". К таким относятся, в частности, стихотворения Сулеймана "Время – река, я – корабль..." ("Вақыт – елга, мин – көймә..."), "Из жизни" ("Тормыштан"), Р.Рахман "О, Человек" ("И, Кешем"), "Старец. Лодка" ("Карт. Көймә"), "Заброшенной лодке" ("Ташландык көймәгә"), Н.Гамбара "Беглец" ("Качак"), Б.Рахимовой "Море и..." ("Диңгез һәм..."), "Обновление" ("Кабатлану"), "Человек-море" ("Кешем-диңгезем"), Ф.Муслимовой "Ах, дитя!.." (Ah, балам!..), "Море" ("Диңгез") и др.

Смысловая парадигма образ-символа "корабль" в современной поэзии значительно расширилась. Он стал символизировать утраченную юность – Л. Шагирзян "Море тоски" ("Сагыш диңгезе"), детство и ностальгию по нему – З.Мансуров "По следам детства..." ("Балачак эзләреннән йөргәндә..."), творчество и душу, обладавшую этим даром – Р.Файзуллин "В пору творчества" ("Яза алганда"), Л.Гибадуллина "Плыву на волнах мысли..." ("Уйларымда йөзәм...") и т.д.

Таким образом, мы можем утверждать, что исследуемый нами образ-символ на сегодняшний день находится в пике своей активности и расширении имеющейся прежней смысловой парадигмы.

В третьем разделе третьей главы рассмотрено "Интертекстуальное гнездо", связанное с образ-символом "корабль", воссозданное цитатами, реминисценциями, аллюзиями, возникшими как ссылки или полемика с воспринятым в татарской поэзии в виде "канонического" варианта стихотворением Дәрдменда ("Корабль").

Интертекстуальностью насыщена вся поэзия XX века, а современная в особенности. Рассмотрению литературно-эстетической функции различных видов и форм интертекстуальности посвящен данный раздел работы, в которой выявляются и анализируются: цитаты (использованные авторами сознательно или бессознательно, точные или неточные, закавыченные или раскавыченные), реминисценции, аллюзии и т.п.

В диссертации проанализировано большое количество произведений, по которым можно проследить диалог поэтов с Дэрдмендом в течение всего двадцатого столетия и по сей день их неизменное обращение к его знаменитому стихотворению "Корабль". В проекции к дэрдмендовскому стихотворению мы проанализировали произведения следующих авторов начала века, первой и второй половины XX столетия – Дж.Юмаева "Остановился он и замер..." ("Туктаган ул, тик торадыр..."), Г.Шарифи "В море" ("Диңгездә"), стихотворные тексты З.Башири, Х.Габидова, С.Кудаша, Г.Сунгати, З.Ярмаки, Б.Мирзанова, С.Сунчелея, Х.Туфана; Р.Файзуллина "Подражание Дэрдменду" ("Дәрдемәндкә тәкълидән"), Рашида Ахметзянова "Невозможность" ("Булмый ул!"), "Однажды уже грянул..." ("Бер дулады..."), Р.Рахман "Кораб" (назира), Р.Зайдуллы "Лашманы" ("Лашманчылар")¹, Н. Сафиной "Душа моя" ("Жаным"), Л.Шагирзян "Поэт и капитал" (Шагыйрь һәм капитал), Г.Валиевой "Сломанная стрела, остывший пепел..." ("Сынган кылыч, суынган көл...") и др.

---

¹ Лашманы - крестьяне, несшие феодальную повинность в пользу государства по заготовке, обработке и вывозке корабельного леса. В указе Петра I от 31 января 1718 г. предписано для заготовки корабельных лесов брать служилых мурз, татар, мордву и чувашей (на бесплатные работы) из Казанской, Нижегородской и Воронежской губерний, а также из Симбирского уезда.

Заключение. В данной диссертационной работе нами была предпринята попытка выявить генетические корни, мифологические пласты и особенности эволюции образ-символа "корабль" в татарской поэзии XX века. Помимо этого была затронута проблема интертекстуальных связей, установившихся в татарской поэзии в течение столетия.

1. В ходе нашего исследования выяснилось, что образ-символ "корабль" является универсальной литературно-эстетической категорией современного литературного процесса, имеющий древние мифологические и религиозно-мифические корни, устоявшиеся традиции как в западной, так и в восточной литературах.

2. Выдающимся художественным открытием в поэзии начала XX века явилось стихотворение Дэрдменда "Корабль" (1908), породившее огромное количество символических вариаций на тему "корабля", выражающую "татарскую нацию", захваченную водоворотом истории (Ю.Нигматуллина). Его образ-символ стал литературно-эстетическим канонem в дальнейшем осмыслении проблемы судьбы народа и породил своеобразное "интертекстуальное гнездо" в татарской поэзии двадцатого столетия.

3. В связи с изменением общественно-политической ситуации в России в конце XX столетия образ-символ "корабль" вновь стал востребованным в поэзии и является одной из активно используемых единиц у современных авторов. На рубеже XX - XXI вв., в пору нового "всплеска национализма" и устремленности татарского народа к возврату к своим корням, сохранению собственной этнической идентификации, он стал символизировать возрождение "духа нации" и, следовательно, ее духовных ценностей, культуры, языка, литературы.

4. В течение XX столетия образ-символ "корабль" являлся выразителем экзистенциального мироощущения, состояния человека, его существования в условиях "бреной жизни" и исторических катаклизмов, также активно использовался в любовной лирике.

5. Выявление интертекстуальных связей показало, что в связи с стихотворением Дэрдменда в татарской поэзии XX столетия образовалось целое "интертекстуальное гнездо".

6. Символистская поэзия – одна из уникальных художественных явлений в татарской литературе двадцатого столетия. Возможность исследования ее через призму экзистенциальной философии и эстетики позволяет делать интересные, порой неожиданные заключения по поводу некоторых исторических, литературных, а иногда и жизненных ситуаций.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В ведущем рецензируемом журнале ВАК:

1. Шарова Л.Н. Образ-символ "корабль" в татарской поэзии XX века / Л.Н.Шарова // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины. – Казань, 2006. – Т. 190. – с. 428 - 433.

В различных научных журналах и сборниках:

2. Шарова Л.Н. XX йөз татар шигъриятендә "кораб" ("көймә") образ-символы / Л.Н. Шарова // Фәнни язмалар. – 2004. – Казан: РИЦ "Школа", 2005. – 341 - 344 б.

3. Шарова Л.Н. XX йөз татар шигъриятендә "кораб" (көймә) образ-символы / Л.Н. Шарова // Милли мәдәният. - 2005. - № 7. - 53 - 55 б.

4. Шарова Л.Н. XX йөз шигъриятендә образ-символлар / Л.Н. Шарова // Фәнни язмалар. – 2005. – Казан: КДУ нәшрияты, 2006. – 226 - 229 б.

5. Шарова Л.Н. XX йөз татар шигъриятендә "кораб" (көймә) образ-символы / Л.Н. Шарова // Милли мәдәният. – 2006. – № 9. – 9 - 11 б.

6. Шарова Л.Н. XX йөз татар шигъриятендә "көймә", "жил", "диңгез" образ-сурәтләре (шагыйрәләр ижаты мисалында) / Л.Н. Шарова // Милли мәдәният. – 2006. – № 9. – 32 - 34 б.

7. Шарова Л.Н. Образ-символ белән язмыш үрелеше / Л.Н. Шарова // Милли мәдәният. – 2006. – №10. – 15 - 17 б.